

DOI: 10.23671/VNC.2019.71.31171

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ОПЫТ 1990-2000-Х ГОДОВ

А. Х. Боров
Е. Х. Апажева
Ю. М. Азикова

В условиях постсоветского политического перехода обнаружился резкий рост влияния историко-политических факторов регионального развития на Северном Кавказе. В Кабардино-Балкарии они проявили себя как во внутриреспубликанских, так и в «центр-периферийных» отношениях. Первый аспект проблемы связан преимущественно с последствиями депортации балкарского населения в 1944 г. и последующими проблемами его реабилитации. Вторым аспектом наиболее ярко проявился в дискуссиях о последствиях Кавказской войны и «черкесском вопросе». В статье осуществлен сопоставительный анализ этих двух историко-политических факторов, формы и степень влияния которых на общественную ситуацию современной Кабардино-Балкарии весьма различаются. «Полная реабилитация» балкарского народа подразумевала не только символический, но и непосредственный материальный результат — закрепление за балкарским населением значительной части территориальных и властных ресурсов республики. Мыслимые результаты решения черкесского вопроса носили более отдаленный и абстрактный характер и не предполагали непосредственных изменений в лучшую сторону для кабардинского населения КБР. Требование «полной реабилитации» балкарского народа находило опору в российских и республиканских политико-правовых актах и принимало форму выполнения уже принятых решений, тогда как черкесский вопрос имел форму притязаний адыгских национальных организаций, не располагавших полномочиями и ресурсами для его решения. Реабилитация подразумевала изменения только внутренней этнополитической структуры Кабардино-Балкарской Республики, тогда как разрешение «черкесского вопроса» требовало действий на национальном и международном уровне и т.д. Но как историко-политические феномены они характеризуются сущностным единством, будучи направлены на «преодоление последствий» определенных событий прошлого путем создания особых условий для отдельных этнических групп населения сегодня.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская Республика, история, политика, депортация, реабилитация, Кавказская война, черкесский вопрос.

Условия постсоветского политического перехода резко актуализировали историко-политические факторы регионального развития. С одной стороны, этничность как сознание принадлежности к этнической группе актуализировалась на всем постсоветском пространстве в качестве наиболее устойчивой и надежной основы личной и групповой самоидентификации, а на Северном Кавказе этот процесс с неизбежностью приобрел

весьма интенсивный характер. С другой стороны, поскольку народы и общества Северного Кавказа не имеют преемственной традиции государственно-политического развития и сформированных в ее рамках конституционных систем, политических и правовых принципов, то любые попытки легитимизировать свои этно-политические притязания связаны для них с обращением к историческому прошлому, которое недоступно для не-

посредственного восприятия общественным сознанием, но воспринимается им в качестве очевидной данности. При этом, вплоть до последнего времени доминировала тенденция подчинения академических норм этно-политической ангажированности, возник феномен «войн историков», в частности, Кабардино-Балкарии.

Путь к преодолению чрезмерной этнизации и историзации политического мышления и политических практик лежит не через игнорирование фактов прошлого, а через утверждение рационалистических, научно-познавательных установок по отношению к прошлому для того, чтобы обеспечить корректность и продуктивность использования исторического опыта для решения актуальных и перспективных политических вопросов.

Историко-политические факторы постсоветского социально-политического развития Кабардино-Балкарии, проявили себя как во внутриреспубликанском плане, так и в плоскости «центр-периферийных» отношений. Первый аспект проблемы связан преимущественно с трактовками последствий депортации балкарского населения Кабардино-Балкарии в 1944 г. и последующего решения проблем его реабилитации. Второй аспект наиболее ярко проявился в трактовках исторической природы Кавказской войны и «черкесского вопроса». Помимо предметно-содержательной взаимосвязи эти проблемы объединяет их локализация в пространстве научно-исторического и общественного дискурса между полюсами конфликта и консенсуса. Соответственно, их анализ должен быть нацелен на выработку критериев коммуникативной рациональности в их обсуждении, как условия продвижения к научному и общественному консенсусу. Такой подход тем более актуален, что формы и степень влияния этих двух историко-политических сюжетов на об-

щественную ситуацию современной Кабардино-Балкарии весьма различаются.

Выселение всего балкарского населения КБАССР в 1944 г. было частью широкой практики этнических депортаций в СССР, осуществлявшейся с 1920-х и до начала 1950-х гг. в различных условиях и с различными целями [1]. Депортация периода Великой Отечественной войны на Северном Кавказе охватила не только балкарцев, но и карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей [2]. Но она сообщила этносоциальному опыту каждого из этих народов элемент исключительности, который не мог не оказать в дальнейшем глубокое и долгосрочное воздействие на все этнополитическое развитие в регионе.

Прежде всего, она повлекла невосполнимые человеческие утраты и значительные демографические потери, нанесла существенный урон поступательному социально-культурному развитию балкарского народа. Но наиболее долгоживущим ее «последствием» является глубокий отпечаток, который она наложила не только на самосознание поколений, ставших непосредственными жертвами этой преступной акции, но и на всю национальную психологию современных балкарцев [3, 93-94].

Уже в постановлении ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов» была поставлена задача «полной реабилитации обоснованно выселенных народов и восстановления их равноправия среди других наций Советского Союза» [4, 147-150]. Политико-правовые акты, восстановившие национальную автономию балкарского народа были приняты в январе-марте 1957 г. При всех трудностях, сопровождавших возвращение на родину и обустройство балкарского населения, принципиальное политическое содержа-

ние тех процессов, которые развивались в Кабардино-Балкарии в конце 1950-х и в 1960-е годы представляется однозначным. Восстановление политического статуса, возвращение к местам проживания, полное равенство с другими народами в гражданских правах, создание необходимых условий для дальнейшего развития национальной культуры — все это в совокупности означало реабилитацию репрессированного балкарского народа.

Следующие три десятилетия с конца 1950-х и до конца 1980-х годов стали временем значительных изменений в кабардино-балкарском обществе. Ощутимо выросла его демографическая масштабность. Именно в эти годы происходит реальная и интенсивная модернизация социально-экономических структур (урбанизация, индустриализация) и подлинная революция в культуре кабардино-балкарского общества. К концу 1980-х годов такие показатели социального развития кабардинского, балкарского и русского народов республики, как соотношение городского и сельского населения, его распределение по отраслям и сферам экономики, социально-профессиональная и образовательная структура — были достаточно близкими между собой и в основном соответствовали средним показателям по Российской Федерации [5, 433]. Но если «реальное» наполнение «первой реабилитации» выражено весомо, то ее символически значимые аспекты с самого начала были затушеваны, а впоследствии оказались под негласным запретом. В целом «первая реабилитация» оказалась преимущественно «социальной», а не «национальной». Вместе с углублением кризиса советского социализма в середине 1970-х — середине 1980-х гг. и бурным ростом слоя балкарской гуманитарной интеллигенции удовлетворенность ее социальными результатами снижалась, а неудовлетворенность национальной «инертностью» росла.

В условиях демократизации конца 1980-х гг. национальные активисты, в частности организация «Ныгъыш», поставили комплекс вопросов полной реабилитации балкарского народа. В 1990 г. они были синтезированы в программных документах организации «Тёре» (Балкарский Форум). В качестве одной из основных в его уставе выдвигалась задача способствовать «фактическому восстановлению и развитию Балкарии как суверенной национально-территориальной единицы, субъекта, образующего объединенную в единую Кабардино-Балкарскую АССР, имея в виду восстановление исконных административно-территориальных районов Балкарии, политического и экономического паритета» [6].

В рамках подготовки к принятию Декларации о государственном суверенитете республики осенью 1990 г. «Тёре» выступил с проектом: «Декларация о государственном суверенитете Федеративной Республики Кабарды и Балкарии». Здесь последовательно был выражен приоритет принципов этнонационального самоопределения. Любые прерогативы «суверенной» Федеративной Республики Кабарды и Балкарии упоминались в тексте только со ссылкой на полномочия, «переданные ей субъектами, ее образующими». В проекте специально оговаривалась процедура реализации Декларации, которая предусматривала предварительное «образование субъектов Федеративной Республики Кабарды и Балкарии и заключение между ними федеративного договора» [7].

Декларация о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики, принятая Верховным Советом республики 30 января 1991 г., говорила о кабардинском и балкарском народах как суверенных субъектах, образующих единую республику [8, 60]. Декларация содержала положения о построении рабо-

ты Верховного Совета КБССР на основе «функционирования двух равноправных палат — палаты республики и палаты национальностей, которая формируется на паритетной основе», а также о необходимости решения «вопросов о восстановлении административных районов Кабардино-Балкарии, существовавших к марту 1944 г., с учетом сложившихся социально-экономических, демографических и других условий» [8, 61-62]. В целом Декларация могла стать основой приемлемого и упорядоченного процесса государственно-политических преобразований, но лишь при наличии определенных условий — внутренних и внешних. Ход событий весны и лета 1991 г. был не вполне благоприятным в этом смысле.

В плане внутриреспубликанского политического процесса главное состояло в том, что заложенный в Декларации компромисс не удовлетворил лидеров двух основных национальных движений — и балкарского, и кабардинского. 30 марта 1991 г. состоялся I съезд балкарского народа. В его решениях понятие «реабилитация балкарского народа» полностью отождествилось с этнической суверенизацией и получило расширительное толкование, выходящее за пределы того, что предусматривала Декларация о государственном суверенитете республики. Уже 7 апреля 1991 г. прошла Конференция кабардинского народа, которая заняла позицию неприятия не только поставленных на съезде балкарского народа вопросов, но и более умеренных положений Декларации о государственном суверенитете КБССР. В плане общероссийского политического контекста существенное значение имело принятие 26 апреля 1991 г. закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». С одной стороны, заложенный в нем универалистский подход к категории «реабилитация» как бы давал государственно-правовую санкцию этнополитическим программам, по-

строенным на реабилитационной логике, как это имело место в случае с балкарским национальным движением. С другой стороны, закон был сформулирован так, будто за 35 лет, прошедших с 1957 г., никаких реабилитационных мер не было осуществлено, и реабилитацию приходится начинать с «чистого листа».

Главное, закон был принят в обстановке полной неспособности государственной власти обеспечить реализацию правовых и организационных мер, необходимых для его упорядоченного воплощения в жизнь. И органы государственной власти республики перед лицом глобального кризиса идущего к своему распаду СССР, высокой степени неопределенности политических перспектив для Кабардино-Балкарии, выдвижения национальными движениями несовместимых этнополитических программ оказались неспособны реализовать заложенные в республиканских и российских политико-правовых актах принципы решения вопросов реабилитации балкарского народа. Дело закончилось провозглашением на съездах балкарского и кабардинского народов 17 ноября 1991 и 10 января 1992 г. Республики Балкария и Кабардинской республики.

Таким образом, с середины января 1992 г. в Кабардино-Балкарии окончательно оформилась своеобразная ситуация институализированного этнополитического раскола. Центральное место в политическом процессе заняли проблемы территориального разграничения провозглашенных республик — проблемы, практически неразрешимые политическими методами. Отсюда — тупиковый характер сложившейся ситуации, ее длительное «замораживание», если говорить не о политической повседневности, а структурной подоснове политической динамики.

Политическая стабилизация и в стране и в республике была достигнута к на-

чалу 1994 г. Сложились устойчивые отношения республиканского руководства с российскими верхами. В новой обстановке стало возможным осуществление ряда символических и реальных, практических мер из репертуара реабилитационной проблематики. Вместе с тем, эти мероприятия осуществлялись на фоне ухудшающейся социально-экономической обстановки и не дали ощутимого материального улучшения подавляющему большинству балкарского населения республики.

Все это формировало достаточно противоречивый общественно-политический контекст для проблем реабилитации. Балкарское население испытывало недовольство и подозрения в связи со злоупотреблениями в использовании финансовых средств. Остальная часть населения республики, находившаяся в столь же тяжелом социально-экономическом положении, относилась особое внимание к нуждам балкарцев на счет давления со стороны балкарского национального движения. Но вместе с тем, удалось ослабить связь реабилитационной проблематики с программой суверенизации Балкарии и с угрозой этнополитического раскола республики. Когда была сделана попытка ее актуализации в решении «очередного этапа съезда балкарского народа», провозгласившего 17 ноября 1996 года создание Государственного Совета Балкарии, она была решительно пресечена властями. Это стало возможным, прежде всего, потому, что он явно не располагал широкой поддержкой балкарского населения [5, 496-498].

После этих событий проблема реабилитации балкарского народа, казалось, была вытеснена из сферы актуальной политики. Но с точки зрения закрепившейся в 1990-е гг. широкой трактовки этого понятия, «полная» реабилитация балкарского народа, отождествляемая с его территориально-политической су-

веренизацией, так и не состоялась. Фактором новой актуализации проблем реабилитации балкарского народа стала реорганизация системы местного самоуправления, предусмотренная федеральным законом № 131 от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Кабардино-Балкария относилась к регионам с высокой плотностью населения, в которых не должно быть территорий, не включенных в состав муниципальных образований (межселенных территорий). В республике, где большинство муниципальных образований, так или иначе, имеет этническую «окраску» либо этно-территориальную «привязку», муниципальная реформа была воспринята как форма «окончательного решения» земельного вопроса, предопределяющего относительные экономические и политические позиции различных этнических групп, а главное — подтверждающей либо разрушающей этно-территориальную самоидентификацию целых народов.

То обстоятельство, что республиканский закон N 13-РЗ от 17 февраля 2005 г. «О статусе и границах муниципальных образований в КБР» в первоначальной редакции предусматривал сохранение в республике «межселенных территорий» трактовалось на «митинге балкарского народа» 28 мая 2005 г. в национальном аспекте: «под видом межселенных территорий у балкарского народа изымаются земли его исторического проживания» [9, 3]. Была актуализирована тема «полной реабилитации жертв политических репрессий, реабилитации репрессированных народов» [10, 3].

В специальном выпуске газеты «Балкария» за июль 2005 г. было опубликовано «Обращение глав администраций и Советов старейшин балкарских населенных пунктов КБР». В документе современные политические проблемы напрямую выводились из наследия истории и нерешен-

ности задач реабилитации балкарского народа: «Подобное политическое бесправие балкарского народа на собственной родине дает возможность беспрепятственного отторжения его земель и всех природных ресурсов». Основной вывод авторов обращения заключался в том, что «реформу местного самоуправления в КБР необходимо сочетать с процессом реабилитации балкарского народа», «уделив особое внимание процессу территориальной реабилитации» [11, 1].

События сентября-октября 2005 г. — смена руководства республики и вооруженное выступление исламистского подполья против силовых структур — на определенное время отодвинули в тень проблематику межнациональных отношений. Однако, уже весной 2006 г. она вновь выступила на поверхность общественно-политической жизни. И вновь проявилась ее связь с тезисом о незавершенности «полной реабилитации» балкарского народа. Таким образом, в 2005-2006 гг. сложился механизм актуализации историко-политического комплекса вопросов депортации и реабилитации балкарского народа, который в дальнейшем срабатывал в каждой ситуации обострения общественно-политической обстановки в республике. Вновь возникающие вопросы общественной жизни, например, муниципальной реформы, воспринимаются и интерпретируются в контексте широкого этноисторического понимания реабилитации. Противоречия и спорные моменты немедленно актуализируют программу суверенизации Балкарии как единственную гарантию благоприятного разрешения «бытийных» проблем этноса.

Иначе выглядит структура политических отношений вокруг черкесского вопроса, занявшего заметное место в российской и международной политической публицистике 2000-х годов [12, 5-6]. Условным рубежом, с которого фикси-

руются истоки нынешней актуализации «черкесского вопроса», можно считать середину 1980-х годов, когда наметился глубокий поворот в условиях существования черкесов в СССР и в Турецкой республике, связанный с либерализацией и демократизацией общественно-политической жизни [13]. Исходные стимулы этнонациональной мобилизации в городской среде черкесских интеллектуалов были заданы осознанием далеко зашедших процессов ассимиляции и реальностью перспективы скорой и полной утраты этнокультурной идентичности черкесами и в диаспоре и на родине. Но их исторические истоки лежат в событиях XIX в. Завершающая фаза установления прямого военно-административного контроля Российской империи над Кабардой в первой четверти XIX в. сопровождалась для нее подлинной демографической катастрофой. Вследствие происшедшего с начала XIX в. переселения кабардинцев за Кубань, многочисленных карательных экспедиций и опустошительной эпидемии чумы население Кабарды сократилось в разы. Завершение длительной Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе в начале 1860-х гг., сопровождалось масштабной этнической чисткой и массовым изгнанием черкесского населения, вынужденного переселиться в пределы Османской империи. Говоря о противоречивой роли России в этносоциальных процессах на Северном Кавказе, Ю.Ю. Карпов отмечал, что в определенных случаях она «нарушила поступательное историческое развитие народов, подрывая баланс их “жизненных сил”, как это произошло с адыгами» [14, 199-200].

Соответственно, в черкесской этнопублицистике современный «черкесский вопрос» прямо отождествлялся с «трагическими проблемами черкесского народа», которые носят исторически заданный объективный характер: «Они

возникли еще в результате Кавказской войны 1763-1864 гг. и с тех пор так и остались неразрешенными». Их суть в том, что черкесы находятся в положении рассеянного по всему миру этноса, демографических его «огрызков» как в мире, так и в России, где они оторваны друг от друга лоскутными автономиями на Северном Кавказе [15]. В «исправлении» такого положения, в преодолении последствий Кавказской войны усматривалась суть «черкесского вопроса».

В конце XX в. «черкесский вопрос» впервые был поставлен как вопрос о консолидации и перспективах «глобального» адыго-черкесского сообщества в рамках национального движения, получившего международный характер с созданием Международной черкесской ассоциации в 1991 г. Сразу же обозначились и основные тематические блоки, составлявшие структуру проблемы: необходимость осмысления характера и последствий военных действий Российской империи в ходе Кавказской войны как геноцида по отношению к адыгам (черкесам); юридическое обеспечение возможности репатриации адыгов диаспоры на историческую родину; в долгосрочной перспективе — возможность объединения части территорий трех субъектов РФ — Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, а также территории, населенной шапсугами Причерноморья, в единый субъект в рамках Российской Федерации — Черкессию [16].

Третий из указанных элементов черкесского вопроса не присутствовал в 1990-е гг. в документах наиболее влиятельных кабардинских общественных организаций во второй половине 1980-х и 1990-е гг. По оценке А. В. Кушхабиева, детально исследовавшего проблему, основными в их деятельности являлись проблема признания и осуждения руководством РФ и международными организациями факта геноцида черкесского

(адыгского) народа и проблема предоставления зарубежным черкесам права на беспрепятственную репатриацию [17, 77-81]. В постановлении Верховного Совета республики «Об осуждении геноцида адыгов (черкесов) в годы Русско-Кавказской войны» (7 февраля 1992 г.) также ставились именно эти вопросы.

Все эти акции имели по сути декларативный характер и не были связаны с политической борьбой внутри республики. Единственным устойчивым воплощением присутствия черкесского вопроса в общественной жизни КБР стала закрепившаяся практика ежегодных массовых шествий и митингов 21 мая (День памяти адыгов — жертв Кавказской войны и насильственного выселения за рубеж), которые не сопровождаются какими-либо политическими лозунгами и требованиями.

К 2000-м гг. стало очевидно, что реального продвижения по основным аспектам «черкесского вопроса», как они определялись международным черкесским движением, достигнуто не было. Но за это время в черкесском мире произошли глубокие социально-демографические и культурные сдвиги. В активную общественную жизнь вступили новые поколения, сформировавшиеся в городской среде, более образованные и мобильные, владеющие современными информационно-коммуникационными технологиями, способные создавать сетевые сообщества. За несколько лет возник целый ряд новых организаций практически во всех странах проживания черкесов.

Общий ход политического процесса давал поводы для осуществления ими политических акций. Центральное место среди них заняло принятое в 2007 г. решение МОК о проведении зимних Олимпийских игр 2014 г. в Сочи, причем российская сторона полностью игнорировала исторический фон и статус черкесов как коренного народа Восточного Причер-

номорья. Тема сочинской Олимпиады возникла в условиях, когда «черкесский вопрос» уже вступил в фазу обострения в связи с попыткой федеральных властей включить Адыгею в состав Краснодарского края. Теперь черкесский вопрос звучал в привязке к весьма чувствительному для России вопросу о перспективах сочинской Олимпиады. Некоторые активисты черкесского движения в Адыгее полагали, что адыги должны быть готовы отстаивать свои интересы: «А с кем их придется отстаивать — с русскими, грузинами, армянами, американцами — покажет жизнь» [18, 57].

Резко негативная реакция со стороны общественных сил и публицистов, стоящих на российских державных позициях, была неизбежной. Особое неприятие вызывали аспекты «черкесского вопроса», связанные с темой ответственности России за геноцид адыгов в XIX в., и выступлениями против проведения Олимпиады в Сочи — «на земле геноцида». Это рассматривалось как антироссийский политический проект радикального крыла черкесских национальных организаций и внешних сил, враждебных России, проект, не имеющий под собой объективных исторических оснований [19; 20].

Адыгские общественные организации КБР заняли в завязавшейся дискуссии умеренную и вполне пророссийскую позицию. В сентябре 2011 г. их руководители выступили со специальным меморандумом, в котором оценили как неконструктивные «попытки увязать XXII зимние Олимпийские игры в Сочи с трагическими событиями адыгской истории XIX века», выразили уверенность, что «только путем конструктивного диалога и взаимодействия между общественными организациями и органами государственной власти возможно решение проблем разделенного адыгского (черкесского) народа» и заявили о готовности к такому взаимодействию «во

имя интересов Российской Федерации и ее многонационального народа» [21]. Сам по себе год Сочинской Олимпиады также не был наполнен масштабными и остро звучащими событиями, в частности, в Кабардино-Балкарии, где проживает большинство черкесского (адыгского) населения России. Наиболее массовыми стали мероприятия, которые соответствовали внутренней потребности адыгского населения Кабардино-Балкарии (кабардинцев) в подтверждении культурно-исторической идентичности и питали чувство адыгского национального единства — день адыгского флага 25 апреля и день памяти жертв Кавказской войны 21 мая. Таким образом, тема сочинской Олимпиады и сопутствующие ей вопросы способствовали выдвиганию «черкесского вопроса» на заметное место в российском и международном медийном и политическом пространстве, но в то же время они показали его сложность, а также вариативность и конфликтность связанных с ним политических стратегий. Фундаментальная проблема, на которую наталкивается черкесский вопрос как политический проект заключается в том, что его постановка в контексте дискурса лояльности не порождает для Российского государства необходимости его признания и решения, а его постановка в контексте попыток давления на российские власти может дать только прямо противоположный эффект.

Приведенный выше материал при всей его неполноте и фрагментарности позволяет осуществить сопоставительный анализ двух историко-политических факторов, так или иначе влиявших на социально-политическую ситуацию в постсоветской Кабардино-Балкарии.

История депортации и пребывания в изгнании (1944-1956 гг.) лежала к концу 1980-х гг. в пределах жизненного опыта среднего и старшего поколений балкарского народа, а история завоевания

Кабарды и связанных с ней трагических коллизий была отдалена от кабардинцев, живущих в конце XX в., не менее чем на семь поколений. Соответственно, можно предполагать, что эмоционально-психологическая интенсивность и мобилизующий потенциал исторической памяти балкарцев были существенно выше.

Преодоление последствий депортации — «полная реабилитация» — подразумевала не только символический, но и непосредственный материальный результат — закрепление за балкарским населением значительной части территориальных и властных ресурсов республики. Мыслимые результаты решения черкесского вопроса носили более отдаленный и абстрактный характер и не предполагали непосредственных изменений в лучшую сторону для кабардинского населения КБР.

Требование «полной реабилитации» балкарского народа находило опору в российских и республиканских политико-правовых актах и принимало форму выполнения уже принятых решений, тогда как черкесский вопрос имел форму притязаний адыгских национальных организаций и деклараций республиканских органов представительной власти, не располагавших полномочиями и ресурсами для его решения.

Реабилитация предполагала преобразование только внутренней этнополитической структуры Кабардино-Балкарской Республики, а федеральная власть выступала в качестве союзника и апелляционной инстанции для балкарского населения республики. Черкесский вопрос должен был бы решаться на федеральном и международном уровне, Российское государство выступало как «ответчик» и исполнитель воли черкесского сообщества и т.д.

В целом, реабилитация балкарского народа представлялась относительно простой, а решение черкесского вопроса — чрезвычайно сложной политической проблемой. Но как историко-политические феномены они характеризуются сущностным единством, будучи направлены на «преодоление последствий» определенных событий прошлого путем создания особых условий для отдельных этнических групп населения сегодня. В краткосрочной перспективе это может принести некоторые результаты, но в долгосрочном плане надежное будущее народов Кабардино-Балкарии может быть обеспечено только в системе отношений, гарантирующей равенство прав и возможностей для каждого человека независимо от национальной принадлежности.

-
1. Сталинские депортации, 1928-1953/Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М., 2005.
 2. Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). М., 1998.
 3. Маремшаова И. И. Балкария и Карачай в этнокультурном пространстве Кавказа. Нальчик, 2003.
 4. Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944-2001: Документы, материалы, комментарии/ Авт.-сост. Х.-М. А. Сабанчиев. Нальчик, 2001.
 5. История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России/Отв. ред. Б. Х. Бгажноков. Нальчик, 2007.
 6. Тёре (Балкарский Форум). Устав // Кабардино-Балкарская правда. 1990. 24 июля.
 7. Декларация о государственном суверенитете Федеративной Республики Кабарды и Балкарии (Проект) // Кабардино-Балкарская правда. 1990. 11 сентября.

8. Декларация о государственном суверенитете Кабардино-Балкарской Советской Социалистической Республики // Этнополитическая ситуация в Кабардино-Балкарии/Составитель и ответственный редактор И. Л. Бабич. М., 1994. Т. 1.
9. Обращение митинга балкарского народа // Балкария. 2005. Июль. №3 (17).
10. Резолюция митинга, состоявшегося 28 мая 2005 г. на площади у Мемориала жертвам репрессий балкарского народа // Балкария. 2005. Июль. №3 (17).
11. Обращение глав администраций и Советов старейшин балкарских населенных пунктов КБР // Балкария. 2005. Июль. №3 (17).
12. *Рябцев В. Н.* Черкесский вопрос, Олимпиада-2014 и политика Грузии на Кавказе (заметки политолога по следам событий). Ростов н/Д; Пятигорск, 2012.
13. *Besleney Z. A.* The Circassian diaspora in Turkey: a political history. London, 2014.
14. *Карпов Ю. Ю.* Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в новое и новейшее время // Россия и Кавказ сквозь два столетия. Исторические чтения. СПб., 2001. С. 190-202.
15. *Темиров У.* Черкесский вопрос в России [Электронный ресурс] // Сайт «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/7/te17.html>
16. *Нефляшева Н.* Черкесское национальное движение — общероссийский и международный контекст: общие подходы [Электронный ресурс] // Кавказская политика. Сайт кавказского гражданского форума. URL: <http://kavpolit.com/cherkesskoe-nacionalnoe-dvizhenie-vnutrirossijskij-i-mezhdunarodnyj-kontekst-obshhie-podhody>
17. *Кушхабиев А. В.* Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. Нальчик, 2013.
18. «Черкесский вопрос». Экспертный доклад/Отв. ред. В. А. Тишков, сост. И. Л. Бабич. М., 2014.
19. Зимние Олимпийские игры-2014 в Сочи в фокусе информационных атак. Сборник научных статей/Отв. редактор В. В. Черноус. Москва — Ростов-на-Дону, 2011.
20. *Епифанцев А. А.* Неизвестная Кавказская война. Был ли геноцид адыгов? М., 2010.
21. Меморандум адыгских (черкесских) общественных организаций Кабардино-Балкарской Республики // Познавательный-новостной портал «Северо-Кавказские новости». [Электронный ресурс]. URL: <https://sk-news.ru/news/society/11494>

Borov, Aslan Kh. — Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; aslan-borov@mail.ru

Apazheva, Elena Kh. — Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University; elena_apazheva@mail.ru

Azikova, Yuzanna M. — Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University; i.azikova@kbsu.ru

HISTORICALLY ROOTED POLITICAL FACTORS OF POST-SOVIET SOCIAL SITUATION IN KABARDINO-BALKAR REPUBLIC: EXPERIENCE OF THE 1990-2000s.

Keywords: *Kabardino-Balkar Republic, history, politics, deportation, rehabilitation, Caucasian war, Circassian question.*

In the conditions of the Post-soviet political transition sharp rise of the influence of historically rooted political factors of regional development in the North Caucasus became visible. In Kabardino-Balkaria they manifested themselves in intra-republican as well as in «center-periphery» relations. The first aspect of the problem was related to the consequences of deportation

of the Balkar population in 1944 and the problems of their subsequent rehabilitation. The second one most saliently revealed itself in the discussions of the Caucasian war aftermath and of the so called «Circassian question». The article presents comparative analysis of these two historically rooted political factors that essentially differed in the forms and intensity of their influence on the social situation in modern Kabardino-Balkaria. «Complete rehabilitation» of the Balkar people implied not only symbolic but also immediate material result — securing for the Balkar population the meaningful share of territorial and power resources of the republic. Eventual outcomes of the Circassian question's solution were more far away and abstract and did not imply immediate improvement of the KBR Kabardin population's condition. Demand of «complete rehabilitation» of the Balkar people was based on Russia's and Kabardino-Balkar republic's political and legal acts and took the form of realizing of the decisions already made, while «Circassian question» represented a set of claims by the Adyghe national organizations devoid of powers and resources to implement them. Rehabilitation was meant to change only inner ethno-political structure of the Kabardino-Balkar Republic while «Circassian question» involved actions on the national and international level etc. Nevertheless they have essentially common traits being oriented at the «overcoming the consequences» of the past events by creating the special conditions for separate ethnic groups today.

REFERENCES

1. Pobol, N. L., Polyak, P. M. (eds.) *Stalinskie deportatsii, 1928-1953* [Stalin's deportations, 1928-1953]. Moscow, Mezhdunarodnyy fond «Demokratiya»; Materik, 2005. 904 p.
2. Bugay N.F., Gonov A.M. *Kavkaz: narody v eshelonakh (20-60-e gody)* [Caucasus: peoples in echelons]. Moscow, INSAN, 1998. 365 p.
3. Maremsheva, I.I. *Balkariya i Karachai v etnokul'turnom prostranstve Kavkaza* [Balkaria and Karachay in the Caucasus' ethno-cultural space]. Nalchik, El'brus, 2003. 121 p.
4. Sabanchiev, Kh.-M. A. (ed., auth.-comp.) *Balkartsy: vyselenie, na spetsposelenii, rehabilitatsiya. 1944-2001: Dokumenty, materialy* [Balkars: eviction, on the special settlement, rehabilitation. 1944-2001: Documents, materials]. Nalchik, Poligrafservis i T, 2001. 227 p.
5. Bgzhnokov, B. Kh. (ed.) *Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii* [History of many centuries' community: To the 450th anniversary of alliance and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia]. Nalchik, Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2007. 720 p.
6. *Tere (Balkarskiy Forum). Ustav* [Tere (Balkar's Forum). Statute]. *Kabardino-Balkarskaya pravda* [Kabardino-Balkaria's truth]. 1990. July 24th.
7. *Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Federativnoy Respubliki Kabardy i Balkarii (Proekt)* [Declaration of State Sovereignty of Federal Republic of Kabarda and Balkaria (Draft)]. *Kabardino-Balkarskaya pravda* [Kabardino-Balkaria's truth]. 1990. September 11th.
8. Babich, I. L. (ed., comp.) *Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Kabardino-Balkarskoy Sovetskoy Sotsialisticheskoy Respubliki* [Declaration of State Sovereignty of Kabardin-Balkar Soviet Socialist Republic]. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Kabardino-Balkarii* [Ethno-political situation in Kabardino-Balkaria]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, 1994, vol. 1. 243 p.
9. *Obrashchenie mitinga balkarskogo naroda* [Appeal of the Balkar people's meeting]. *Balkariya* [Balkaria]. 2005, no. 3 (17), July.
10. *Rezolyutsiya mitinga, sostoyavshegosya 28 maya 2005 g. na ploshchadi u Memoriala zhertvam repressii balkarskogo naroda* [Resolution of the meeting held on May 28, 2005 at the Memorial of the Balkar People's Repressions Victims square]. *Balkariya* [Balkaria]. 2005, no. 3 (17), July.
11. *Obrashchenie glav administratsii i Sovetov stareishin balkarskikh naseleennykh punktov*

KBR [Appeal of the Heads of administrations and the Elders' Councils of Balkar settlements of KBR]. *Balkariya* [Balkaria]. 2005, no. 3 (17), July.

12. Ryabtsev, V.N. *Cherkesskiy vopros, Olimpiada-2014 i politika Gruzii na Kavkaze (zametki politologa po sledam sobytii)* [Circassian question, 2014 Olympics and Georgia's policies in the Caucasus (politologist's notes on the trail of events)]. Rostov-on-Don; Pyatigorsk, Severo-Kavkazskiy nauchnyy tsentr vysshey shkoly Yuzhnogo federal'nogo okruga, 2012. 384 p.

13. Beslenev, Z.A. *The Circassian diaspora in Turkey: a political history*. London, Routledge, Taylor & Francis Group, 2014. 204 p.

14. Karpov, Yu. Yu. *Rossiya i etnosotsial'nye protsessy na Severnom Kavkaze v novoe i noveyshee vremya* [Russia and ethno-social processes in the North Caucasus in the modern and contemporary times]. *Rossiya i Kavkaz skvoz' dva stoletiya. Istoricheskie chteniya* [Russia and the Caucasus through the two centuries. Historical readings]. St. Petersburg, AOZT Zhurnal «Zvezda», 2001, pp. 190-202.

15. Temirov, U. *Cherkesskiy vopros v Rossii* [Circassian question in Russia]. Zhurnal'nyy zal [Journal Hall] [Web-site]. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2011/7/te17.html> (date of access: 27.09.2018).

16. Neflyasheva, N. *Cherkesskoe natsional'noe dvizhenie — obshcherossiiskii i mezhdunarodnyi kontekst: obshchie podkhody* [Circassian national movement — Russian and international context: general approaches] [online resource]. *Kavkazskaya politika. Sayt kavkazskogo grazhdanskogo foruma* [Caucasian politics. Website of the Caucasian Civil Forum] [Web-site]. URL: <http://kavpolit.com/cherkesskoe-natsionalnoe-dvizhenie-vnutrirossijskij-i-mezhdunarodnyj-kontekst-obshhie-podkhody/> (date of access: 30.05.2012).

17. Kushkhabiev A.V. *Problemy repatriatsii zarubezhnykh cherkesov: istoriya, politika, sotsial'naya praktika* [Problems of repatriation of exterior Circassians: history, politics, and social practice]. Nalchik, Kabardino-Balkar Scientific Center RAS, 2013. 224 p.

18. Tishkov, V. A., Babich, I. L. (eds.) «*Cherkesskiy vopros*». *Ekspertnyy doklad* [«Circassian question». Expert report]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2014. 91 p.

19. Chernous, V. V. (ed.) *Zimnie Olimpiyskie igry-2014 v Sochi v fokuse informatsionnykh atak. Sbornik nauchnykh statei* [Winter Olympics 2014 in Sochi in the focus of informational attacks. Collection of research articles]. Moscow — Rostov-on-Don, Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya, 2011. 202 p.

20. Epifantsev, A. A. *Neizvestnaya Kavkazskaya voyna. Byl li genotsid adygov?* [Unknown Caucasian war. Was there genocide of Adyghes?]. Moscow, Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr «Maska», 2010. 356 p.

21. *Memorandum adygsikh (cherkessikh) obshchestvennykh organizatsiy Kabardino-Balkarskoy Respubliki* [Memorandum of Adyghe (Circassian) public organizations of Kabardino-Balkar Republic]. Poznavatel'no-novostnoy portal «Severo-Kavkazskie novosti» [Cognition and news portal «North Caucasus News»] [Web-site]. URL: <https://sk-news.ru/news/society/11494/> (date of access: 28.04.2019).